

ВОСПОМИНАНИЯ С. Н. ШИЛЬ

Публикация К. Шохор-Троцкого

Автор помещаемых ниже воспоминаний, Софья Николаевна Шиль (1863—1928), была сотрудницей книгоиздательства «Посредник». Интересуясь вопросами внешкольного образования, С. Н. Шиль изучала методы работы народных университетов в Швеции и Норвегии; ей принадлежит ряд статей и книг о высшей народной школе в Швеции, о клубах мальчиков в Стокгольме и т. д.

С. Н. Шиль состояла членом Общества любителей русской словесности при Московском университете и написала несколько работ о Тургеневе. Писала она под псевдонимом Сергей Орловский.

С. Н. Шиль не принадлежала к числу лиц, близко знавших Толстого. Тем не менее, ее воспоминания о вечере, проведенном в хамовническом доме Толстого, дают некоторые штрихи, характерные для быта семьи Толстых в конце 90-х годов. Особенно интересен записанный С. Н. Шиль эпизод, связанный с именем Пушкина.

ВЕЧЕР У ТОЛСТОГО

В вербную субботу 1899 г., часов в 8 вечера, Иван Иванович Горбунов¹ и я стояли у подъезда дома Толстых в Хамовниках.

Нам отворил лакей; мы прошли через пустые комнаты в глубь квартиры и поднялись по внутренней деревянной лестнице во второй этаж. Убранство комнат было обыкновенное дворянское, средней руки. Обычные тогда ширмы и уголки, где стоял мягкий диван или пара кресел у столика.

Мы застали наверху женское общество. Софья Андреевна была в отъезде. Дочери Льва Николаевича и их гости сидели в маленькой четырехугольной гостиной, куда мы вошли. Завязался незначительный разговор, светская болтовня. Я сидела у круглого столика, покрытого суконной скатертью. Одна из молодых хозяек стала показывать мне, как эта скатерть расшита именами посетителей. Писали свои имена мелом, а барышни, должно быть, по мелу, вышивали. Я заметила много имен с предшествующими «кн.» или «гр.». Очевидно, это была скатерть людей *comme il faut*.

Скоро вошел своей быстрой походкой Лев Николаевич, ласково поздоровался и сейчас же заговорил. Меня поразило, как он постарел. Глубокие морщины врезались в его обветренное загорелое лицо. Когда он поворачивался, видна была его шея у затылка, тоже вся в складках; я подумала невольно, что кожа грубая и жесткая, как у типопотама, но глаза великого писателя, острые и колючие, были полны жизни.

Он был одет в широкие черные штаны и темносинюю блузу очень тонкого, хорошего сукна. Блуза свободно облегла его старческие члены, — казалось, нельзя и придумать лучшей одежды для человека.

Лев Николаевич, опершись обеими руками о колена, оживленно рассказывал.

Он был утомлен. Он только-что вернулся с Александровского вокзала, где наблюдал отправку ссыльных². Должно быть, он провел там

несколько часов. Он говорил с величайшей симпатией о несчастных и очень подробно рассказывал, чему был свидетелем. Казалось, что в его творческом видении уже кристаллизуется для новой главы «Воскресения» материал, почерпнутый из действительности.

Тем временем приходили еще гости, и разговор перескакивал от одной темы к другой. Входил лакей и подавал Толстому визитные карточки. Получалось впечатление обычного тогда в дворянской среде времяпровождения. Были анекдоты, каламбуры, разговор учтиво-поверхностный. И странным мне казалось, что тут сидит великий писатель; по-видимому, он привык и не тяготится.

Еще раз вошел лакей в белых перчатках и подал на серебряном подносе две визитные карточки. Вскоре вошли в маленькую гостиную два изящных господина, оба высокого роста и видной наружности.

«Л. Н. ТОЛСТОЙ СМОТРИТ РИСУНОК»

Рисунок Л. О. Пастернака, 9 июня 1901 г.

Толстовский музей, Москва

Это были Дягилев и Философов³.

Лев Николаевич поднялся к ним навстречу. После веселых приветствий все уселись; начался разговор, уже не столь ничтожный. Присутствие петербургских гостей как будто подтянуло москвичей; да и люди они были не праздные, а деловые.

Сначала поговорили о внутренней политике. В те дни острым событием было, кажется, назначение Бобрикова генерал-губернатором Княжества Финляндского. Одинаково угнетенные, русские интеллигенты тех дней сочувствовали финнам и горевали о наступлении у них эры новых репрессий.

Лев Николаевич был настроен на тот же лад. Он сказал, что похоже на то, что было где-то полуоткрыто окно и кому-то легче было дышать, а теперь и это окно захлопнули.

Поговорили о петербургских новостях в литературном мире, о журнале «Мир Искусства», и наконец Философов приступил к настоящей цели их посещения.

В мае 1899 г. вся Россия готовилась праздновать столетнюю годовщину рождения Пушкина. Все организации уже перед пасхой были заняты подготовительными работами к этому празднику. Философов просил Льва Николаевича принять участие в чествовании Пушкина⁴.

Видимо, задетый глубоко, Толстой горячо заговорил. Завязалась беседа с петербуржцами о Пушкине, о его гении, о том, что такое Пушкин для нас.

Приятно было видеть, как горячился Лев Николаевич, потому что, как и следовало ожидать, его взгляды на Пушкина и оценка редакторов «Мира Искусства» далеко расходились между собой. Но, хотя у Толстого и не могло быть того богомольного преклонения перед величайшим русским поэтом, какие выражали его гости, все-таки, помимо слов, было видно, что Пушкин глубоко запал в его душу и еще жив для него.

Однако, от участия в чествовании Толстой наотрез отказался и вдруг из оживленного стал хмурым и неприятным. Он сказал, что все такие юбилеи совершенно излишни; что нет бессмертных; что каждый живет для своего времени. Как картофель усваивается в пище организмом и, напитав его, выбрасывается вон, так и писатель. Его современники усваивают в себе все то, что в его творчестве есть ценного, и перерабатывают эту духовную пищу; затем уже она за ненужностью выбрасывается вон, то-есть предается полному забвению.

Что пора предать Пушкина полному забвению, с этим представители «Мира Искусства» никак не могли согласиться. Мне казалось, что каждому думалось в ту минуту: «Ну, а как же ты сам — хотел бы ты, чтоб тебя, усвоив, как картофель, скоро выбросили вон?». И внутреннее чувство подсказывало, что ответ должен быть отрицательный, если бы Толстой был искренним.

Видимо, огорченные отказом, Философов и Дягилев скоро откланялись и исчезли.

Но по их уходе разговор о Пушкине продолжался и стал общим.

— Ну, а в вас какая есть заковырка? — вдруг обратился ко мне Лев Николаевич.

— Я люблю Пушкина, — отвечала я в смущении.

Через некоторое время снова появился лакей и шопотом доложил о чем-то Льву Николаевичу. Он быстро встал и ушел к себе.

В доме было два входа. Парадным входили люди *comme il faut* и люди с каким-либо положением в обществе. Но существовало еще заднее крыльцо для тех искателей правды, которые приходили к Толстому-моралисту; они подымались прямо к нему, не беспокоя никого. Там же ходили другие несветские посетители. Так было и на этот раз.

Лев Николаевич скоро вернулся с вербой и запиской в руке. Лицо его было насмешливо, когда он стал рассказывать. Приходили к нему прямо от всеобщей несколько семинаристов: в смущении что-то набормотали, отдали вербу и записку и убежали.

Стали читать вслух записку. В ней была мольба о возвращении Толстого к православию, наивно и горячо, по-юношески написанная.

Ее разобрали по косточкам, подняли насмех, — и так же безжалостно к ней был и сам Лев Николаевич.

Скоро все разошлись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горбунов-Посадов Иван Иванович (1884—1937), единомышленник Толстого, редактор изданий книгоиздательства «Посредник».

² В дневнике композитора С. И. Танеева от 8 апреля 1899 г. отмечено, что Толстой ездил в этот день в пересыльную тюрьму, чтобы посмотреть, как ведут арестантов в кандалах, и сделать с ними путь до Николаевского вокзала (см. «Дневники С. А. Толстой, 1897—1909», изд. «Север», М., 1932, стр. 274). Вербная суббота в 1899 г была 10 апреля. Вероятно, Толстой рассказывал о своих впечатлениях, полученных 8 апреля. Возможно, однако, что он 10 апреля вторично побывал на вокзале для наблюдений над отправкой арестантов.

³ Дягилев С. П. (1872—1929), редактор журнала «Мир Искусства», и Философов Д. В., один из ближайших сотрудников этого журнала.

⁴ В № 13 журнала «Мир Искусства» за 1899 г. были напечатаны, в связи со столетием со дня смерти Пушкина, статьи Н. М. Минского, Д. С. Мережковского, В. В. Розанова и Ф. Сологуба. Вероятно, Дягилев и Философов пытались получить у Толстого материал для этого номера журнала.